

“Матушка да батюшко”

© И. Б. КАЧИНСКАЯ

Термины кровного родства часто используются как в городе, так и в сельской местности в обращениях к неродственникам – *отец, сынок, дочка, дядя, тетя*. Через термины родства осмысляются мифология, языческая и христианская, первоосновы мира (*земля-матушка*), термины родства проецируются на животный мир, а также на растения и предметы. Они появляются в антропонимах (фамилиях, прозвищах людей и кличках животных) и в топонимах.

Рассмотрим механизм этого переноса. Во многом он связан с переходом от номинации к обращению и наоборот.

Термины кровного родства накладываются на термины свойства: к свекру и свекрови было принято обращаться *батюшка* и *матушка*, братьев мужа – деверей – называть *братьями*, его сестер, золовок – *сестрицами*: “Свекровку *маменькой* да *матушкой* звали, а родную мать – *мамой*. Раньше, раньше *матушкой* звали, *матушка* да *батюшко* – все возвеличивали, это ишо до нас было”.

В свадебном причитании невесты встречаем: “Назову я свекра *батюшкой*, лютую свекрову *матушкой*, деверьщцу звать да *братьицами*, золовущек звать *сестрицами*”.

Употребление одних и тех же лексем в разных значениях (для наименования/обращения к матери и к некровной родственнице) и за-

крепление за словом значения “не-матери” порождает две разнонаправленные тенденции: одна – разнести, разделить значения, используя для этого разные лексемы, другая – противоположная – заменить различие на новое сходство. Если для обращения к свекрови используются лексемы *матушка*, *маменька*, то родная мать будет называться *мать*, *мама*, *мамушка*, *мамка*: “Выходила замуж, так свекровка не давала называть *матерью*, а *матушкой*: я тебя не рожала, зови *матушкой*. Богоданово (свекра) – дак звали *батюшка*, свекровку – дак *матушка*, а родные дак *папа* да *мама*. *Матушка* – мужа мать, а своя – *мама*, *мамушка*”.

Если же возникает временное тождество в обращении к матери и свекрови, то происходит замена ласкового обращения к матери и появляется новое к свекрови: *маменька*, *мамаша*, *мама*. То же происходит в соотношении отца и свекра: “У мужа жена звала *батюшка* да *матушка*, а которы побогаче, так *тятенька* да *маменька*”; *матушка* > > *мамка* – “Раньше *матушка* была свекровка, сейчас *мамкой* зовут”; *матушка* > *мамаша* – “Раньше звали *матушка* да *батюшко*, а ныне – *папаша* да *мамаша*, а если п ты была мне молоткой, ты звала меня *матушкой*”.

Как только мать стали называть *мамой*, сменилось и обращение к свекрови, до сих пор большая часть информантов воспринимает это обращение как новое: раньше свекровь называли *матушка*, *мамушка*, *маменька*, теперь – *мама*: “Раньше свекровку *матушкой* звали, а типерь всё *мамой* зовут, а кака ей *мама*? Она ей не рожала. Котора рожала, та уж настояща *мама*. Кто *мамой*, кто *мамушка*, кто как. Я звала *маменькой*, а нынче *мамой* зовут”.

На уподоблении обычно настаивает старшее поколение: “Невестки ране звали *матушкой*, а я не хочу, лучше *мамой*. Хороша сноха, она меня *мама вы* все звала, *мама вы*”.

При вариативности обращения выбор остается за свекровью: “Она подойдет к свекрови: как тебя звать – *матушкой* ле *мамой*?”.

В московской разговорной практике *мамой* называют и родную мать, и мачеху, и свекровь, и тещу. Современная тенденция оставить лексему *мама* только для обозначения родной матери (и для обращения к ней, причем на *ты*), а для некровной родственницы использовать обращение на *вы* и по имени-отчеству (т.е. обращаться к ней как к неродственнице), воспринимается как тенденция новая, как сознательный отказ от традиции.

Широко используются термины кровного родства при обращении к неродственникам. Они накладываются на поло-возрастную номинацию: *бабка* – “родная бабушка” и “старая женщина, неродственница”, *жёнка* – “жена” и “женщина”, *дядя*, *тетя* – обращение к старшим по возрасту неродственникам со стороны детей.

В свадебном причитании невеста называет подружек *сестрицами*: “*Сестрицы-подружки-госьтюшки...*”.

Происходит и обратное движение, когда наименование по полу и возрасту распространяется на родство (как это происходило с некоторыми лексемами исторически): *девочка, дитя, дитяtko* называют родную дочь, *внучку, парнёк, парнишко* – сына.

Термины родства распространяются на духовное родство, возникающее при крещении: *крёстная мать, крёстный отец* – как вторые мать и отец. Их еще именуют также *божаткой* и *батей, батькой, крёстной, крестовой, названной матерью*: “А *крёстну мать*, котора из купели вынимает, дак раньше божаткой называли. А *батька* ишь повадятся звать, а *нать* – божатка, а *нонь хрёстна* *нать* звать. Тебя вот я дёржала, крестила, дак я божатка, а то *батькой* зовут, *батькой* и хрёстной. Божатка считаеце што *мать*. У меня *мама*, у меня *названная мама*, божатоцка, они кумы. Это ведь большое дело божатка – божатка больше *матери*. Уж как третий поклон я положу уж за *крёстну* за *матеньку*, за крестовую за божаточку”.

Духовный отец, священник, исповедник называется *батюшка, духовной батька*, а его жена, попадья – *матушка*: “Свекрову *матушкой* звали и попадью. У попа-то жену звали *матушка*. *Матушка* – жена попа, попадья. Ну *батюшка* (поп) был хороший, не скажем, а *матушка* работой-то муцила”.

Матушкой была и монахиня, духовная наставница: “Потом я к *матушкам*, не монашенки, а *матушка, батюшко-то* (священника) не было уж”.

Через термины родства осмыслялась космогоническая картина мира. *Матерью, матушкой* была не только земля, но и вода, война, страда, зима и проч. *Отцом, батюшкой* оказывались небо, ветер: “...Перекрестите трижды родничок и скажите: *небо-отец, земля-мать*, вода-свят, благослови сама себя не ради хитрости, не ради мудрости, а ради великой божьей милости... У наз бабушка яйца кидала: *ветерок-батюшко!* Какого надо ветра вызывала: подуй, подуй”.

Ветры могли стать и *братьями*: “Выйду я на красное крылечко, попрошу я буйных ветерков: буйны *ветерки*, брателки родные, нанесите на меня белые белила, красные румянцы, чтобы зарились на меня купцы и бояре, богатые люди”.

Вода, река – *вода-матушка, речка-матушка*: “*Вода-матушка* есть. Поедем полоскатце: *речка-матушка*, дай водицы пополоскать. Над рекой: *вода-матушка* смывает пенья-коренья, желты пески, круты горы, так же смой с рабы божей Марии Федоровны Аграфёниново рожденья все озевы – озевают тебя, окричат – наброды и испуги. Аминь. *Вода-матушка* текёт перетекается, бегёт-перебегается, смывает пенья-коренья, желты пески, круты горы – на коо будешь наговаривать, так-то и смой – такой-то матери такоо рожденья. Смывай так смывай. Все испуги, озевы, переполохи”.

Река и оставляемые ею во время весеннего половодья на берегу льдины воспринимаются как *мать* и *дети* (или *мачеха* и *пасынки*) –

мать к детям всегда возвращается, и, по примете, если на берегу во время разлива остались льдины – будет еще одно наводнение: река-“мать” “вернется” за “детьми”: “*Матка* детей соберё, пребывая да соберё. Вода ушла, а *пасынки* остались на берегу. А лёд прошел – а вот льдины-то. Это *пасынки* – льдины на реки. Лёд-то прошел, лёд-то остался на берегах. *Пасынки* называют, *пасынки*. Она как не поднялась, *деток* оставила”.

С материнским началом связывают конкретное пространство, большую и малую родину: эпитетом *матушка* наделяется Россия, страна, Москва (как столица России), деревня, тундра, река (конкретная для данной местности): “Дально место наше, мы далёко живем от *Росии-матушки*. Довели *страну-матушку* до края. Нельзя веть уверяца в *Москвы-матушки*. *Москва-матушка* и *Питер-батюшка*. В лесу, в *тундре-матушке*, была деревнюшка. У нас *деревня-матушка* тоже большая дак. *Сия* (деревня) – *матушка-Россия*. Прибыла бы *Пижма-матушка* [река; сравни общерусское *Волга-матушка* или *Волга-матушка река*]

Значимым оказывается не только пространство, но и время, как прошлое (старина, досельщина), так и настоящее: “Древность была, *старина-матушка*. Ой, *старину-матушку!* (пришли записывать). Мы сейчас только упоминали старину. Они не хранили *старины-матушки*, нарушили. Она досельщину-матушку помнит, у ней память кака глубока. Припоминаат *досельщину-матушку*”.

Внимание акцентируется на периодах, представляющих опасность или трудности для человека, – на времени, от которого человек зависит, но вполне управлять которым не может: это зима, ночь, война, страда: “*Зима-то* придет *матушка*, у нас зима-то долга. Как *матушка-ноченька* горит, мает и замирает, и тайте на рабе божей... все эти проклятые двенацать кил, подсыхайте и подгорайте, никакой болезни не давайте (из заговора). *Страда-мать* возит, отвозит да привозит. Ребят-то много было, а *война-матушка* всех увела. *Война-матушка* дала нам жизни, всё испытали: стужу и нужу. Нас нарушила *война-матушка*”.

Праздник Покрова Богородицы персонифицируется, превращаясь в некий мужской образ: “Покров, *батюшка Покров*, награди избу теплом, а меня женихом”; “*Покров-батюшко*, покрой землю снежком, а меня женишком”; “У нас *батюшка Покров* нашу деревню берегёт, она не гаривала”.

Духи-“хозяева” дома, леса, воды предстают как члены семьи. “Хозяева” дома и хлева (*домовой* и его “жена”) будут не только *хозяином* и *хозяйкой*, *суседушкой* и *суседушкой*, но также *дедушкой* и *бабушкой*, *батюшкой* и *матушкой*, *дяденькой-батюшкой*: “*Батюшко-хозяин*, *матушка-хозяйка*, царь небесной, царь воденой, царь лесной и царь земной, возьмите мою Узорушку (кличка коровы) на все лето красное, пойте и кормите и вовремя домой приводите”; “В каждом доме хозяин

есть: *доброход-батюшко и доброходица-матушка. Батюшко-хозяюшко, матушка-хозяюшка*, с малыми детьми, с приходящими госьтьми, пойте-кормите, храните-берегите мою скотинушку, любите, как мы ейо любим”; “В армию походят, у хозяина спрашиваются: *Батюшко-хозяюшко, матушка-хозяюшка*, я похожу в Красну армию. Берегите меня, охраняйте меня, дайте мне здоровья, в пути при дороженьке спасите меня и сохраните меня”.

Дедушкой зовут и мифическое существо, обитающее в бане, сарае, овине или в воде, в лесу: “*Дедушко-байнищѣк да бабушка-байница*, как домовы. Вот в большую старину говорили: *леший-отец*. Зачертяца сковородником, и потом тоже крикнеш, што *леший-батюшко*, зачертились, на замок заложилсь, скажи, кому што будет”. Эпитет *батюшко* может сохраняться за словом *лешой* даже в брани: “Унеси тебя *батюшко лешой*, больше не приноси!”.

Самые значительные фигуры христианства связаны родством – *Бог-отец, Бог-сын и Божья мать* или *Господь-батюшка и Царица-матушка небесная*.

Семейные отношения распространяются и на животных (мать – ребенок > самка – детеныш): “*Мати и дочи*, одна Пушкинка, другая Мурка (о кошках). Мы утку сѣ звали – *матушка*”.

Термины родства используются в кличках, например, коровы и курицы: “Телка родилась и *Матушкой* назвали”; “У нас веть курам всем названья: *Матушка* есь, Пеструнья, а раньше Даша была”. Их же используют при названии отдельных видов насекомых и животных: бабочка – *баба-липа, баба-липка, бабка, бабочка*; моль – *дедушко-ботамушко, бабка, бабочка* – “Моль, а ешо *дедушко-ботамушко*. Вот *дедушко-ботамушко* летают”; “*Бабка, бабушка* летает, едят одеждуто”; “*Бабка* летает, я пыхаю, травлю их”; сороконожка – *дедушко-бртанушко* – “*Дедушко-бртанушко*, как цервяк, ползат, лап много”; паук – *дедушко, паук-дедушко* – “*Паук-дедушко, дедушко* сетоцку, говорят, вьет”; улитка – *дедушко-олень* – “*Дедушко-олень*, выпучи рожка, дай пирожка”; крот – *дедушко, дедушко земляной (земельной)* – “*Дедушко* в земле ходит”; “*Земельных крыс* ловить, *дедушков*”; “*Земельных дедушков*, как мышь”; медуза – *баба-кисель* – “Говорят, *баба-кисель* на простуду ладится”.

Термины родства переносятся и на “внешний”, материальный мир. Чаще всего они используются в названиях растений: *мать-мачеха, мать-и-мачеха*. Растение ромашка полевая: *бабушка, белая бабушка, желтая бабушка, бабушка-варварушка, бабушка-задворенка, бабушка-затворенка, бабушка-кулябушка, дедушко-бабушка*. О грибе дождевике говорят: “Пыхнет из ево, это *мышья бабка*, сначала они как ейца, а потом и засохнут, в них сделаца пыль. Дроздики-то называеце *дедушко о баенка*. Молодой – он дроздик, а взрослой превратится в *дедушку о баенку*”.

Интересны названия рук, например, вся рука рассматривается как “семья”: “Пальцы на руках: большой, *матка*, *отец*, *бабка*, мезенчик, или *дочка*”.

Зачастую семьей оказываются печь, огонь, дым: (в загадке) “*Мать толста, дочь красна, а сын-коробей в небо ушел*”; “*Мать толста, дочь красна, сын кудряв*” – печь и дымник (дымоход); в заговоре от тоски “*Печка-матушка, дымник-батюшка*, сними тоску-печаль-горюшко с рабы божьей (имя) по рабе божьей (имя), отнеси на морюшко, на само доньшко. Аминь 3 раза”; печь и изготовленные в ней пироги также ассоциировались с семьей: “Раньше как садим хлебы в печку, приговариваем: *Печка-матушка*, скрасай *хлебов-детушеек*”; “*Печка-матушка*, скрась-ко пироги!”.

К колодцу обращаются *батюшка*: “На колодец за водой пойду: *Колодчик-батюшка*, дай мне водицы”.

Некоторые бытовые предметы также именовались родовыми терминами, например, *дедко* и *бабка* – парная деталь ткацкого станка; приспособление для натачивания лезвия косы (бьющая часть называется *дедкой*, подставка, по которой бьют, – *бабкой*). *Детинец* (*детей*, *детенец*, *детинок*, *детыш*) и *матка* (*матица*) – разные внутренние части рыболовной ловушки. *Матка*, *матица*, *матница* – несущая потолочная балка (или несущая балка пола). *Две сестры* – узор в вязанье.

У слов *баба*, *бабка* выделяется более десяти предметных значений, среди них кукла, слепленная из комьев снега; снежная баба; куча отходов от обработки льна, чучело из таких отходов; опорный столб, кол, жердь какого-н. сооружения, в том числе опорный столб колодезного журавля; тяжелое толстое бревно, колода с ручками для забивания свай; деревянная стойка на ножках или на крестовине, служащая подставкой вращающегося устройства для перематывания ниток при подготовке к тканью; стержневая деталь в ткацком станке; деревянное основание русской печи; приспособление для натачивания лезвия косы; большой полый деревянный барабан, цилиндр, ворот, служащий для наматывания каната, удерживающего на морском берегу рыбацкие лодки; отверстие большого полого деревянного барабана, ворота, куда продевается такой канат; малая укладка зерновых (ячменя, ржи) или льна, конопля; верхний сноп, которым сверху накрывают малую укладку зерновых; стог сена или соломы круглой формы, наметанный вокруг одного шеста; укладка срубленных бревен; безымянный палец на руке; надкопытный сустав ноги домашнего животного; одна кость такого сустава, служащая для игры “в бабки”; детская игрушка.

Несколько предметных значений зафиксировано для слов *дедка*, *дедко*, *дедушко*. Это деталь ткацкого станка; бьющая часть наковальни; безымянный палец руки; стиральная доска; голубятня (*дедушкогорнизик*).

У слова *матка* более десятка предметных значений с протозначением “основа чего-н.” Это части тела (женское чрево, указательный палец руки), несущая потолочная балка, свод русской печи; базовое судно, снабжающее рыболовные траулеры провиантом и водой и принимающее у них выловленную рыбу; головной плот; компас; картофелина, от которой отводятся новые клубни; твердый глинистый грунт; центральная часть чего-н.; часть рыболовной ловушки, рыбоприемник; нижняя часть грабель, куда вставляются зубцы; жердь, на которой сушится бельё.

Мы рассмотрели термины родства на материале говоров одного региона: архангельского. Автор использовала собственные полевые записи, а также “Архангельский областной словарь” и богатейшую его картотеку, в том числе и электронную. Однако широкая экстраполяция терминов родства характерна не только для архангельских, но и для любых русских говоров, она может наблюдаться во всех славянских и прочих языках мира.

